

На правах рукописи

ИВАНОВА ЮЛИЯ ИГОРЕВНА

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДИПЛОМАТА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ**

(на материале русского и английского языков)

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Научный руководитель **Евсюкова Татьяна Всеволодовна,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Барбина Наталья Сергеевна,**
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теоретической и
прикладной лингвистики ФГБОУ ВО
«Байкальский государственный университет»;

Слышкин Геннадий Геннадьевич,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий научно-исследовательской
лабораторией «Лингвобезопасность и
психология информационного воздействия»
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)

Защита состоится 26 июня 2026г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.267.03 в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, и на сайте университета <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/7790/>

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена исследованию лингвокогнитивных и лингвокультурных характеристик языковых личностей российского и британского дипломатов в русскоязычном и англоязычном дипломатических дискурсах в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Степень разработанности проблемы. Изучение дипломатического дискурса и языковой личности дипломата в лингвистической науке имеет значительную научную традицию. В исследовании Т.А. Волковой описаны конститутивные признаки и стратегии дипломатической коммуникации на материале английского и русского языков [Волкова 2007]. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса изучены в диссертации А.Н. Кожетевой [Кожетева 2012]. Л.М. Терентий исследовал интенциональную структуру успешного дипломатического дискурса, связав его эффективность с личностными характеристиками коммуниканта [Терентий 2017].

Существенный вклад в исследование лингвоаксиологических и лингвосемиотических принципов функционирования открытого профессионального дипломатического дискурса внес М.В. Беляков [Беляков 2021]. Исследование О.В. Александровой и И.Э. Стрелец посвящено выявлению дискурсивных характеристик и принципов организации дипломатического дискурса [Александрова, Стрелец 2021]. В работе М. Сунь исследуются эвфемизмы в современном русском и китайском дипломатическом дискурсах [Сунь 2024].

Прагмалингвистический анализ особенностей речевого поведения дипломата на материале русского и немецкого языков проведен в исследовании Е.Ю. Оберемченко [Оберемченко 2011]. В диссертационной работе Ю.Л. Ткачевой расширены представления об особенностях дипломатического переговорного дискурса и механизмах выражения негативной реакции в переговорной коммуникации [Ткачева 2024].

Анализ степени разработанности проблемы показывает, что в современной лингвистике накоплен обширный опыт изучения дипломатического дискурса и речевого поведения дипломата. Вместе с тем вопросы, связанные с изучением лингвокогнитивных и лингвокультурных характеристик языковой личности дипломата в разных лингвокультурах в сопоставительном аспекте, остаются открытыми и требуют дальнейшего рассмотрения.

Актуальность диссертации, таким образом, определяется значимостью комплексного сравнительно-сопоставительного анализа языковой личности дипломата на материале русского и английского языков в рамках интеграции лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов.

В современном мире, где публичная дипломатия становится ключевым инструментом продвижения национальных интересов и урегулирования международных конфликтов, важным является глубокое понимание лингвистических механизмов формирования русскоязычного и англоязычного

дипломатических дискурсов. В условиях глобальной нестабильности именно языковая личность дипломата выступает основным медиатором между государством и мировым сообществом. Практическая потребность в эффективной межкультурной дипломатической коммуникации требует выявления не только универсальных, но и национально-специфических стратегий речевого поведения дипломата. В этой связи изучение языковой личности дипломата сопряжено с необходимостью анализа лингвистических способов объективации взаимодействия этнокультурных кодов, идеологических установок и институциональных норм в рамках межгосударственной коммуникации.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что языковая личность дипломата обладает системной организацией, детерминированной культурно-мировоззренческими, аксиологическими, профессиональными и индивидуально-личностными факторами, которые объективируются в речевой деятельности через специфические лингвокогнитивные и лингвокультурные механизмы.

Объектом исследования является языковая личность дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах.

Предметом исследования являются лингвокогнитивные и лингвокультурные аспекты реализации языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах.

Материал исследования составил корпус публичных выступлений и официальных текстов российских и британских дипломатов за период 2020 – 2025 гг., опубликованных на официальных интернет-ресурсах, таких как сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации (<https://www.mid.ru/>) и сайт правительственного портала Великобритании (<https://www.gov.uk/>). При обработке материала была исключена общеупотребительная и служебная лексика для выделения лингвокультурно маркированных единиц.

Объем картотеки составил 200 публичных выступлений на русском и английском языках общим объемом 300 печатных страниц.

Целью диссертационного исследования является выявление и описание лингвокогнитивных и лингвокультурных особенностей реализации языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах.

Поставленная цель определила следующие **задачи**:

- 1) уточнить содержание понятия «языковая личность дипломата» в рамках лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов;
- 2) провести количественный анализ лексического состава выступлений российских и британских дипломатов для выявления частотных единиц, репрезентирующих ядерные компоненты их концептосфер;
- 3) выявить особенности вербализации ключевых концептов в дискурсе российских и британских дипломатов;
- 4) описать культурные сценарии, регулирующие дипломатическую коммуникацию в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах;

5) определить особенности вербально-семантического уровня реализации языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах;

б) установить национально-культурную специфику реализации стратегий и тактик речевого поведения российского и британского дипломатов.

Методы исследования. В ходе исследования были использованы следующие методы: *лингвокогнитивный анализ* для реконструкции ментальных структур и ключевых концептов языковой личности дипломата; *лингвокультурологический анализ* для определения национально-культурной обусловленности речевых стратегий и языковых средств; *количественный анализ* с целью статистической обработки данных, подсчёта частотности лексики, выявления ключевых слов; *сравнительно-сопоставительный анализ*, направленный на установление общих закономерностей и национально-специфических особенностей реализации языковых личностей российского и британского дипломатов в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Языковая личность дипломата как институционально обусловленный тип представляет собой сложное структурное образование, интегрирующее профессиональные нормы дипломатического дискурса с национально-культурными моделями речевого поведения и реализующееся на лингвокогнитивном, лингвокультурном и лингвопрагматическом уровнях.

2. Количественный и сопоставительный анализ вербализации ключевых концептов в русскоязычном и англоязычном дипломатических дискурсах позволил выявить системные различия в структуре и аксиологическом наполнении концептосфер языковых личностей российского и британского дипломатов. Установлено, что эти различия детерминированы национально-культурной спецификой, репрезентированной в моделях мышления и системе ценностных доминант, характерных для каждой из лингвокультур.

3. Концептосфера языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатических дискурсах имеет иерархическую структуру, в которой универсальное ядро образует концепт «Безопасность» / «Security», а базовую периферию – высокочастотные концепты «Россия», «Человек», «Сотрудничество», «The UK», «People», «Freedom», «Justice» / «Fairness». Национально-культурная специфика проявляется в доминировании в русскоязычном дипломатическом дискурсе ценностей суверенитета, диалога и исторической преемственности, в англоязычном дипломатическом дискурсе – стратегий геополитического позиционирования, правового регулирования и защиты индивидуальных свобод.

4. Лингвокультурная специфика языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах объективируется в предпочтении различных культурных сценариев и дискурсивных моделей. Для русскоязычного дипломатического дискурса характерна нарративно-оценочная модель, реализующая пояснительно-аргументативные сценарии; для

англоязычного дипломатического дискурса – процедурно-регулятивная модель, реализующая сценарии коалиционного взаимодействия и формулирования правил.

5. Национально-культурная специфика языковой личности дипломата на вербально-семантическом уровне проявляется в предпочтении различных речевых стратегий. Для российского дипломата характерны стратегии обоснования, исторической аналогии и развернутые нарративы, реализуемые через оценочную лексику. Для британского дипломата характерны стратегии делегитимации и нормативного закрепления, объективируемые с помощью модальных конструкций, юридической терминологии и дискурсивных формул коллективного действия.

Теоретической основой исследования послужили научные идеи и положения отечественных и зарубежных ученых-лингвистов в следующих областях лингвистики: *теории языковой личности и лингвистической персонологии* (Г.И. Богин 1984; В.В. Виноградов 1963, 1980; С.Г. Воркачев 2004; В.В. Воробьев 2008; Ю.Н. Караулов 2010; В.И. Карасик 1996, 2002, 2009; Д.С. Лихачев 1997; Ю.М. Лотман 2000; В.П. Нерознак 1996; Г.Г. Слышкин 2000, 2004; З.Р. Хачмафова 2010, 2023 и др.); *когнитивной лингвистики* (А.П. Бабушкин 2018, Е.С. Кубрякова 2004, 2012; М. Минский 1979; З.Д. Попова 2003, И.А. Стернин 2001; Ю.С. Степанов 1997, 2004; Ч. Филлмор 1988; R. Schank 1977; J. Bruner 1990 и др.); *лингвокультурологии* (А. Вежбицкая 1996, 2001; С.Г. Воркачев 2001; Т.В. Евсюкова 2002; В.В. Воробьев 2008; В.И. Карасик 1996, 2002; В.А. Маслова 2001; В.Н. Телия 1988 и др.).

Новизна исследования заключается в том, что впервые выявлены и описаны лингвокогнитивные и лингвокультурные характеристики языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах в сравнительно-сопоставительном аспекте. Раскрыты системные сходства и различия в профессиональной коммуникации российских и британских дипломатов. В ходе исследования установлена структура и аксиологическое наполнение концептосфер языковых личностей российских и британских дипломатов; определены доминирующие дискурсивные модели и культурные сценарии, характерные для русскоязычного и англоязычного дипломатического дискурсов; выявлены особенности реализации исследуемых языковых личностей на вербально-семантическом уровне, включая совокупность речевых стратегий и характерные языковые средства их объективации.

Теоретическая значимость исследования заключается в его вкладе в дальнейшее развитие лингвистической персонологии, когнитивной и сравнительно-сопоставительной лингвистики. Работа развивает основные положения теории языковой личности, предлагая модель анализа языковой личности дипломата как институционального типа, конкретизируя механизмы интеграции профессиональных и национально-культурных детерминант, формирующих целостную структуру языковой личности и определяющих ее дискурсивную реализацию. Комплексная методика сравнительно-

сопоставительного анализа языковой личности в дипломатическом дискурсе с учетом лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов может служить моделью для сопоставления других профессиональных типов языковых личностей.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в образовательном процессе в преподавании вузовских курсов по лингвистической персонологии, сравнительно-сопоставительной лингвистике и межкультурной коммуникации; при разработке специальных курсов и семинаров для переводчиков, лингвистов-аналитиков и будущих дипломатов по кросс-культурным аспектам коммуникации; в подготовке учебно-методических материалов, включая практикумы по лингвистическому анализу дипломатических текстов, рекомендации по конструированию публичных высказываний в международном контексте; при определении тематики выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций. Материалы и выводы исследования могут служить основой для тренингов по дипломатическому протоколу, ведению переговоров и публичной речи.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались на кафедре лингвистики и межкультурной коммуникации Ростовского государственного экономического университета, а также были представлены на научных конференциях разного уровня: на Международной научно-практической онлайн-конференции «Язык и коммуникация в контексте культуры» (Ростов-на-Дону, 2021); на LXXXII Международной научно-практической конференции «Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки» (Новосибирск, 2024); на СIII Международной научно-практической конференции «Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке» (Новосибирск, 2024); на II Всероссийской научно-практической конференции «Всероссийский форум молодых исследователей» (Петрозаводск, 2024); на II Международной научно-практической конференции «Research and Development» (Петрозаводск, 2024); на III Международной научной конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в науке и образовании» (Санкт-Петербург 2025).

Основные положения и результаты исследования изложены в **11** публикациях, в том числе **5** статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Объем и структура работы. Основной текст диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, определяются его объект, предмет, цель и задачи, формулируется гипотеза. Раскрываются научная новизна, теоретико-методологическая база, теоретическая и практическая значимость работы, характеризуются методы и языковой материал. Приводятся сведения об апробации, излагаются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** представлены теоретические основы исследования языковой личности дипломата в современной лингвистике; раскрыты понятия «языковая личность» и «языковая картина мира»; обоснована научная значимость лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов в изучении языковой личности дипломата; описаны основные характеристики дипломатического дискурса как институционального типа коммуникации.

Понятие «языковая личность» является базовой категорией антропоцентрической лингвистики. Теоретические предпосылки заложены В. фон Гумбольдтом и развиты Й.Л. Вайсгербером, который ввел сам термин, трактуя ЯЛ как носителя языка и «культурообразующую силу» национальной картины мира [Вайсгербер 1927]. В отечественной науке фундаментальное значение имеют труды Г.И. Богина, определившего ЯЛ как «человека, рассматриваемого с точки зрения его готовности производить речевые поступки», что акцентирует деятельностный, а не статический аспект владения языком [Богин 1984: 31]. Классическое определение, данное Ю.Н. Карауловым, характеризует ЯЛ как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений» [Караулов 1987: 3]. Предложенная им трехуровневая модель ЯЛ легла в основу исследования языковой личности дипломата.

Языковая картина мира выступает тем когнитивным фундаментом, который формирует способ восприятия и категоризации действительности языковой личностью. Ю.Д. Апресян трактует языковую картину мира как «коллективную философию», закрепленную в языке [Апресян 1995]. В.Н. Телия рассматривает ЯКМ как результат когнитивной и языковой активности [Телия 1988], а Е.С. Кубрякова подчеркивает ее когнитивную природу, определяя как структуру знаний о реальности [Кубрякова 2003: 7]. Соотношение концептуальной и языковой картин мира, а также выделение ценностной картины мира [Карасик 1996] позволяют рассматривать языковую личность дипломата не только как носителя профессиональных знаний, но и как выразителя определенной системы ценностей.

Методологическая база исследования строится на интеграции двух ведущих антропоцентрических подходов – лингвокогнитивного и лингвокультурного – для всестороннего анализа языковой личности дипломата носителя профессиональных знаний и культурных ценностей. Лингвокогнитивный подход ориентирован на реконструкцию структур знания и ментальных репрезентаций в сознании индивида. В рамках данного подхода ключевым понятием выступает концепт – «оперативная содержательная единица

памяти, ментального лексикона и концептуальной системы» [Кубрякова 1996: 90]. Лингвокультурный подход фокусируется на взаимосвязи языка и культуры, исследуя их как единое целое [Воробьев 1996: 4]. Принципиальной характеристикой лингвокультурного концепта является его полиапеллируемость – способность реализовываться через целый ряд языковых и речевых единиц [Слышкин 2004: 22-23], а также наличие ценностного компонента, который отличает его от когнитивного концепта [Воркачев 2001: 43-44]. Данные подходы не противоречат, а дополняют друг друга, позволяя рассматривать языковую личность в единстве ее когнитивных механизмов и культурной обусловленности. Особое значение для исследования дипломата приобретает понятие ценностной картины мира (В.И. Карасик), которая сочетает универсальные и культурно-специфические ценности, отражает культурные доминанты и существует как на коллективном, так и на индивидуальном уровне [Карасик 1996: 5].

Дипломатический дискурс представляет собой один из наиболее формализованных и институционально детерминированных типов профессиональной коммуникации. Как отмечают исследователи, природа любого дискурса определяется, во-первых, спецификой агента социального действия [Шейгал 2004] и, во-вторых, его интенциональной базой [Шейгал 2004; Ушакова, Павлова 2000]. Успешность дипломатической коммуникации напрямую зависит от когнитивных и коммуникативных способностей языковой личности агента.

Во **второй главе** описывается лингвокогнитивная характеристика языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах; проводится количественный анализ лексикона российских и британских дипломатов для выявления частотных единиц, репрезентирующих ядерные компоненты их концептосфер; анализируются особенности вербализации ключевых концептов в дискурсе российских и британских дипломатов.

Исходя из понимания языковой личности как интегрального единства сознания, культуры и речи, центральным элементом её структуры и, соответственно, ключевой единицей нашего анализа выступает концепт. В данной работе мы оперируем им как дискурсивно репрезентированной когнитивной структурой, несущей в себе культурно-обусловленное ценностное содержание. Такой подход позволяет выявить и описать иерархию значимых смыслов в картине мира дипломата, установив их связь как с национальной культурной традицией, так и с конкретными речевыми стратегиями.

Поскольку концепты имеют языковую объективизацию, т.е. выражаются средствами конкретного языка, представляется возможным провести количественный анализ лексикона британских и российских дипломатов. На основе полученных количественных данных в дальнейшем предполагается охарактеризовать языковую личность представителей двух дипломатических культур через вербальный срез их концептосферы. Для изучения количественных характеристик лексических единиц были использованы лингвостатистический и количественный методы, позволившие осуществить

сопоставительный анализ употребительности данных единиц. Квантитативный показатель выступил в качестве маркера, определяющего принадлежность концепта к категории ключевых, а также позволил сделать вывод о том, в каком из языковых вариантов концепт получил более активную вербализацию. Анализ проводился нами на материале 200 выступлений российских и британских дипломатов с помощью сервисов Miratext, Istio, WordTabulator. Данные платформы позволили выявить 20 самых частотных лексических единиц. В данном исследовании с помощью квантитативного метода нами был составлен частотный словарь лексикона дипломатов, позволивший в дальнейшем перейти к анализу многозначности вербализации ключевых концептов. Из анализа были исключены служебные части речи, а также ряд высокочастотных лексем: *международный, иностранный, отношения, США/американский* в русскоязычной выборке; *international, rights, foreign* в англоязычной выборке. Данные единицы демонстрируют сопоставимую частотность в обеих лингвокультурах и не обладают достаточной дифференциальной значимостью для анализа лингвокультурных различий в концептуальной составляющей дипломатического дискурса. Лексемы *Украина* и *Ukraine* также были исключены из анализа как нерелевантные для решения поставленных исследовательских задач, поскольку их высокая частотность в исследуемый период (2020–2025 гг.) обусловлена преимущественно экстралингвистическими факторами и является прогнозируемой.

Как показал анализ, в англоязычном дипломатическом дискурсе высокая частотность лексемы *security* отражает ключевую задачу дипломатии – обеспечение национальной безопасности. Лексема *support* маркирует стратегию выражения солидарности с партнерами. Частотность местоимений *I* и *we* распределена функционально: *we* используется для репрезентации коллективной позиции государства; *I* – в этикетных формулах и конструкциях со значением намерения (*would like, be pleased to*). Частица *not* выполняет функцию хеджирования, смягчая категоричность высказываний, например, *not easy* вместо *difficult*. Высокая частотность глагола *will* связана с выражением обещаний и прогнозов; *have* доминирует в перфектных формах (80,6% случаев), что обусловлено необходимостью говорить о результатах деятельности. В русскоязычном дипломатическом дискурсе наиболее частотны лексемы *страна, Россия*, что свидетельствует об акценте на государственной идентичности. Частотность лексем *вопрос* и *решение*, а также грамматических средств побудительной модальности указывает на ориентацию на диалог и поиск путей урегулирования. Лексемы *ситуация, решение* выполняют функцию нейтральной дескрипции международных обстоятельств и смещают фокус с фиксации противоречий на поиск путей урегулирования. Лексема *сотрудничество* выполняет деэскалационную функцию, смещая фокус с противоречий на совместные действия. Выявленные различия в лексическом наполнении и коммуникативных стратегиях представляются релевантными для дальнейшего анализа сквозь призму лингвокультурных концептов, а также для изучения

влияния культурно обусловленных факторов на реализацию дипломатической коммуникации.

Сопоставительный анализ вербальных средств репрезентации концептосфер русскоязычного и англоязычного дипломатического дискурсов позволил выявить сходства и различия в семантическом наполнении исследуемых концептов и определить их роль в формировании языковой личности дипломата как представителя соответствующей национальной дипломатической лингвокультуры. Проведенный анализ подтверждает иерархическую организацию концептосферы языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатических дискурсах. Универсальным ядром выступают концепты «Безопасность» / «Security», что обусловлено институциональной природой дипломатической коммуникации, ориентированной на обеспечение национальных интересов и глобальной стабильности. Базовую периферию составили высокочастотные концепты «Россия», «Человек», «Сотрудничество», «The UK», «People», «Freedom», «Justice» / «Fairness. Дальняя периферия состоит из культурно-маркированных концептов «Друг», «Правда» / «Истина», «Душа», «Friend», «Mind» / «Heart» / «Spirit».

Концепты государственной идентичности «Россия», «The UK». В русскоязычном дипломатическом дискурсе актуализируются семы суверенитета, миротворчества и исторической преемственности (рис.1).

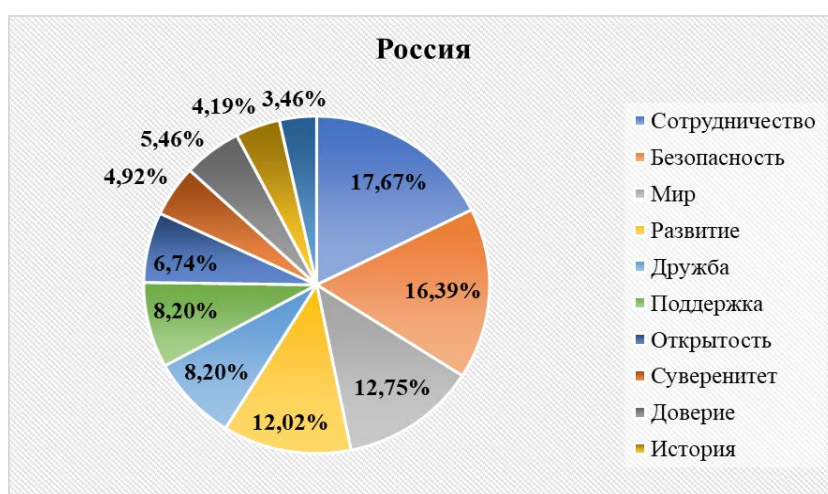

Рисунок 1 – Концепт «Россия» и его семантическое наполнение

В англоязычном дипломатическом дискурсе – стратегия геополитического позиционирования, образ глобального лидера, ориентированного на кооперацию с союзниками (рис.2).

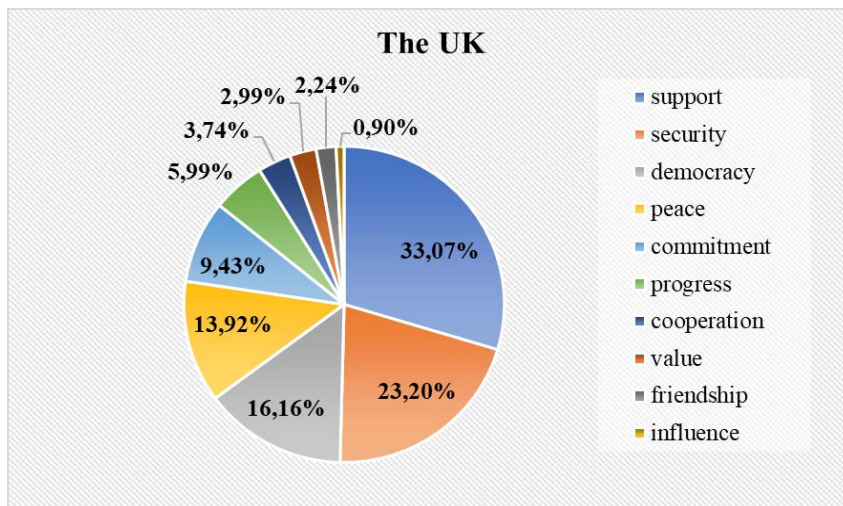

Рисунок 2 – Концепт «The UK» и его семантическое наполнение

Концепты «Человек», «People». Русскоязычный дипломатический дискурс объективирует концепт через социально-экономический детерминизм и коллективистские ценности (рис.3). Англоязычный дипломатический дискурс – через правовой универсализм и защиту индивидуальных свобод (рис.4).

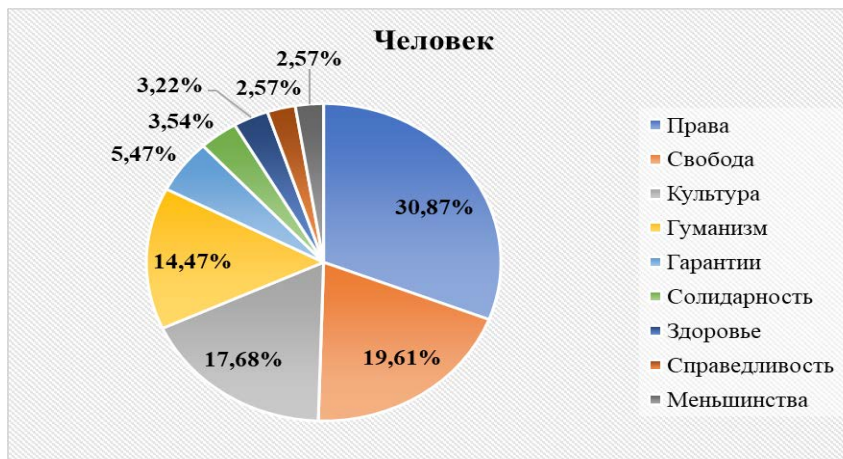

Рисунок 3 – Концепт «Человек» и его семантическое наполнение

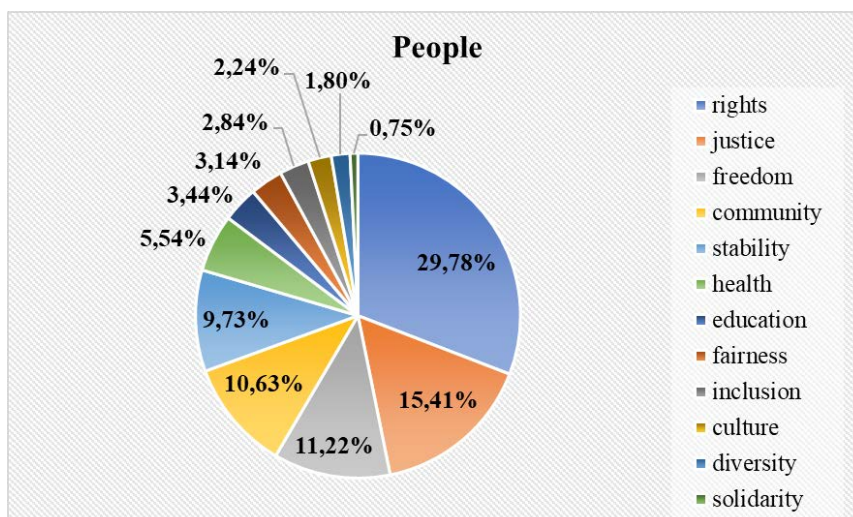

Рисунок 4 – Концепт «People» и его семантическое наполнение

Концепты «Друг», «Friend». Русский концепт включает семы эмоциональной близости, доверительности и личностной привязанности, что обуславливает его низкую частотность в официальном дискурсе (рис.5). Английский концепт ориентирован на семы совместной деятельности и оппозиции общему противнику (рис.6).

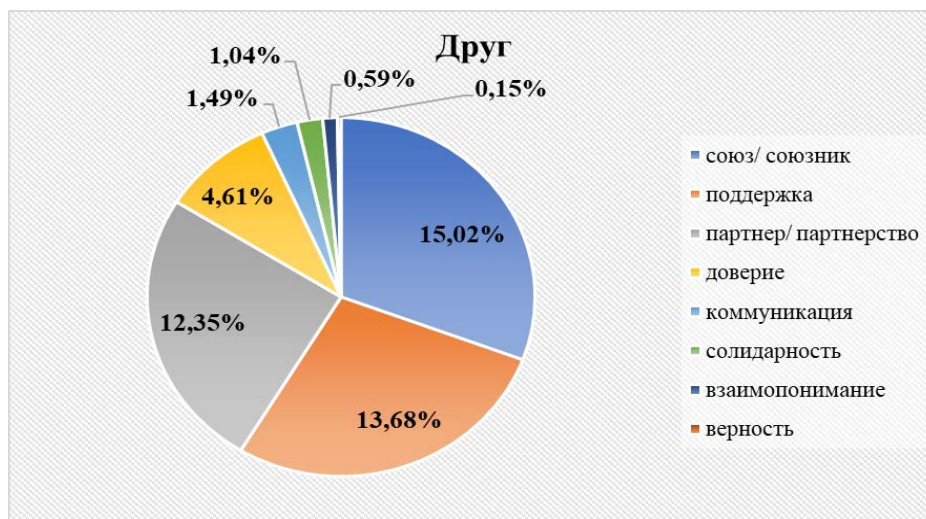

Рисунок 5 – Концепт «Друг» и его семантическое наполнение

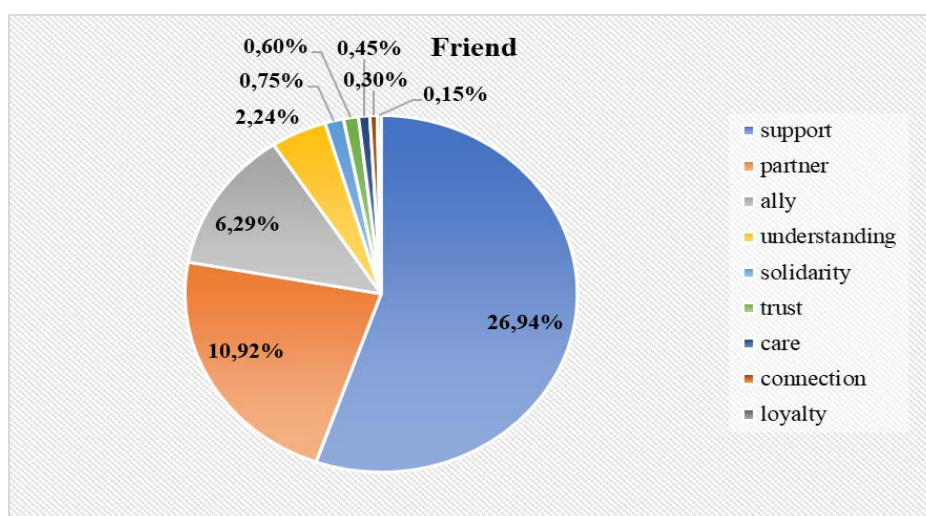

Рисунок 6 – Концепт «Friend» и его семантическое наполнение

Этико-правовые концепты «Правда», «Justice». Русские концепты характеризуются аксиологической нагруженностью и связью с духовно-нравственными категориями; английские концепты функционируют в инструментально-прагматическом поле, выступая средствами дискурсивной легитимации.

Концепт «Правда» трансформируются в инструменты этико-правовой оценки, неразрывно связанные с категорией справедливости как основы мироустройства (рис.7).

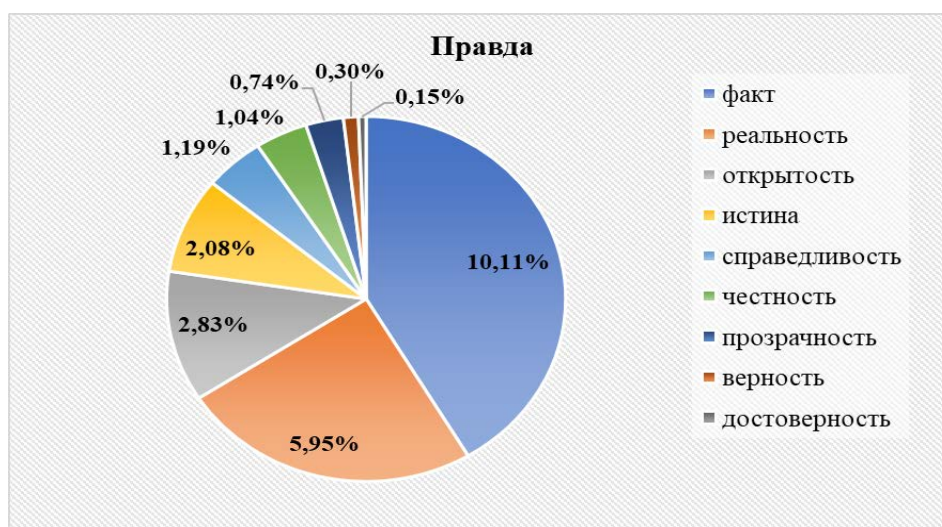

Рисунок 7 – Концепт «Правда» и его семантическое наполнение

Концепт «Justice» образуют функционально-семантическое единство, основанное на принципах законности, беспристрастности и рациональности как условиях глобальной безопасности (рис. 8).

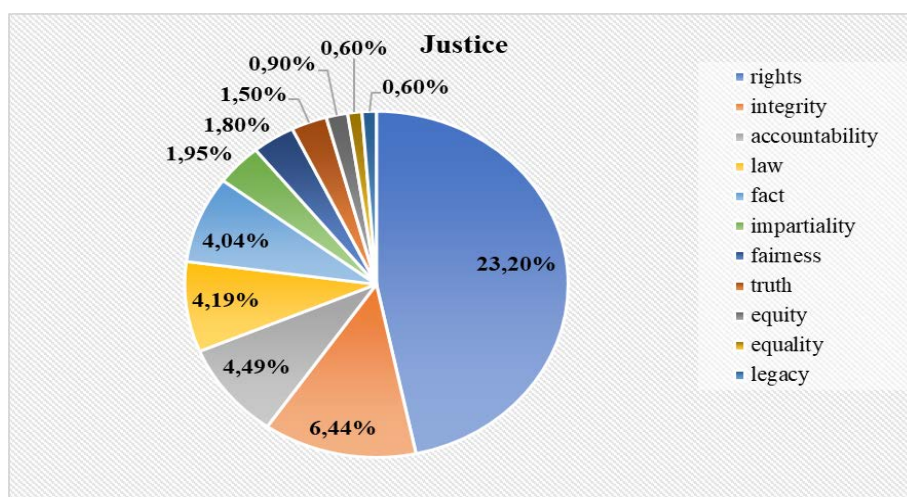

Рисунок 8 – Концепт «Justice» и его семантическое наполнение

Концепты «Свобода», «Freedom». В русскоязычном дипломатическом дискурсе доминирует коллективистская модель (связь с суверенитетом и социальной ответственностью), в англоязычном дипломатическом дискурсе – индивидуалистическая модель. Специфика концепта «Свобода» в русскоязычном дипломатическом дискурсе характеризуется его связью с этической ответственностью за последствия принятых решений, которые признаются окончательными и влекут за собой обязательную реакцию (рис.9).

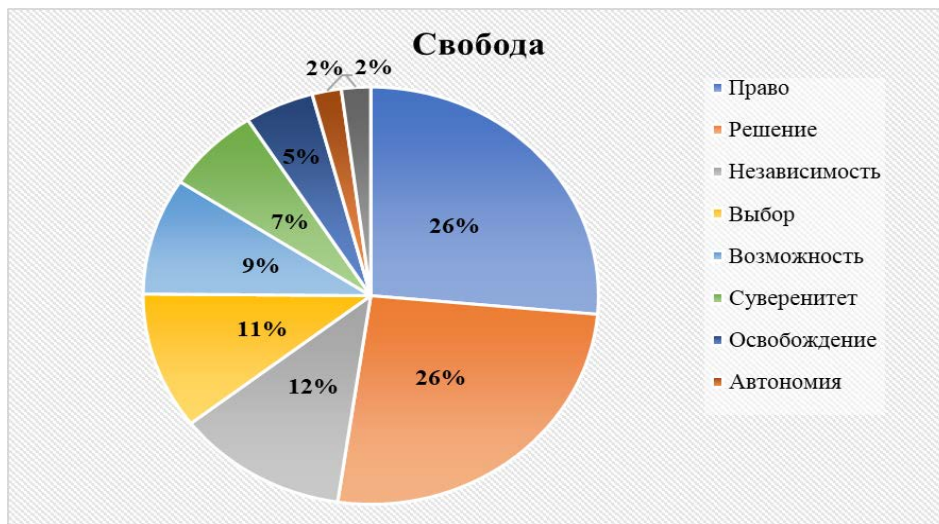

Рисунок 9 – Концепт «Свобода» и его семантическое наполнение

Концепт «Freedom» реализуется через аксиологическую дихотомию «правительство – народ» (рис.10).

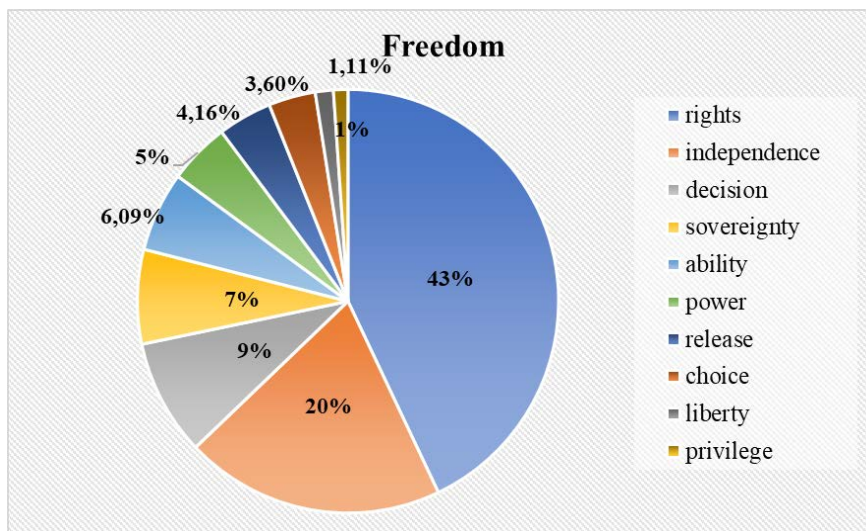

Рисунок 10 – Концепт «Freedom» и его семантическое наполнение

Эмотивно-духовные концепты «Душа», «Soul». Русский концепт объективирует национальную идентичность и коллективную память (рис.11).

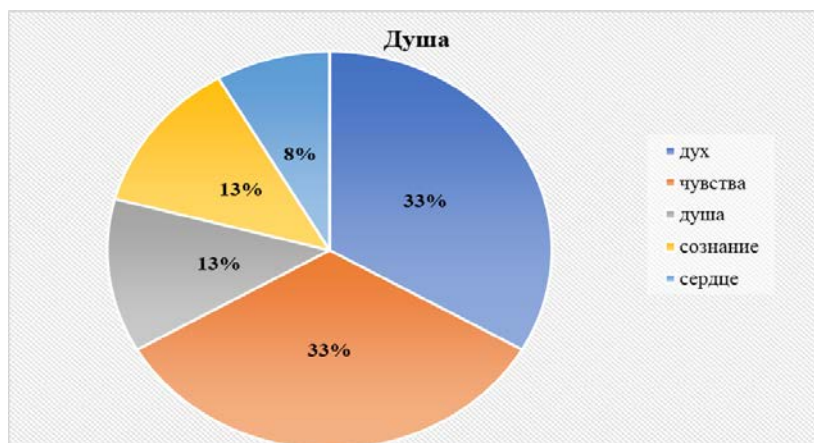

Рисунок 11 – Концепт «Душа» и его семантическое наполнение

Английский коррелят «Soul» практически не употребляется, его функции берут на себя концепты «Mind», «Heart» и «Spirit», объективирующие ценности солидарности и национального единства.

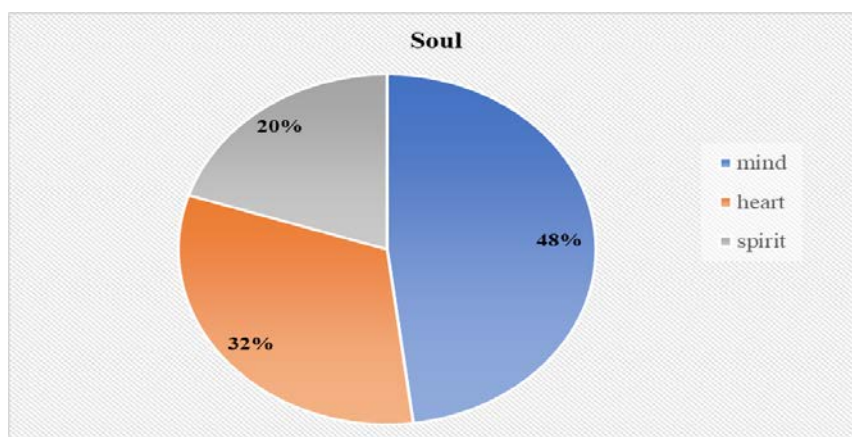

Рисунок 12 – Концепт «Soul» и его семантическое наполнение

Выявленные различия позволяют реконструировать две модели языковой личности дипломата. Модель языковой личности российского дипломата ориентирована на коллективистские ценности, этическую оценку, диалоговые стратегии и защиту государственного суверенитета. Британская модель характеризуется функционально-правовым подходом, акцентом на индивидуальных свободах, стратегиях глобального позиционирования и коалиционного взаимодействия. Таким образом, лингвокогнитивный анализ русскоязычного и англоязычного дипломатического дискурсов позволяет не только выявить лексико-статистические закономерности, но и реконструировать ценностные доминанты языковой личности дипломата, детерминированные национально-культурными кодами.

Третья глава диссертации посвящена анализу лингвокультурных особенностей языковой личности дипломата в русскоязычном и англоязычном дипломатическом дискурсах: описанию культурных сценариев, регулирующих дипломатическую коммуникацию, а также выявлению национально-культурной

специфики реализации стратегий и тактик речевого поведения российского и британского дипломатов.

Культурный сценарий рассматривается как ключевая организующая структура дипломатического дискурса. В интерпретации Р. Шенка и Р. Абельсона [Schank 1977], сценарий представляет собой упорядоченную последовательность событий, описывающих типичные ситуации и основанных на принципе причинно-следственной связи. Мы придерживаемся определения Н.Н. Болдырева, который обозначает сценарий как «динамически представленный фрейм, как разворачиваемую во времени определенную последовательность этапов, эпизодов» [Болдырев, 2001: 37]. Дипломатический дискурс характеризуется жесткой сценарной регламентацией, где отступление от принятой процедуры недопустимо.

Дипломатический дискурс как институциональное образование обладает устойчивой макроструктурой, включающей следующие обязательные компоненты: участники (глава государства, посол, супруги), предметно-символические атрибуты (верительная грамота, парадная одежда, памятные подарки), временная и пространственная организация (длительность, место встречи, очередность), церемониальные действия (обмен речами, воинские почести) и вербальное оформление. В данном исследовании мы были вынуждены обратиться к источникам, выходящим за временные рамки 2020-2025, поскольку детальная протокольная документация по таким церемониальным актам, как вручение верительных грамот, визит вежливости и прекращение дипломатической миссии носит закрытый характер и в современный период (2020-2025 гг.) в открытый доступ, как правило, не попадает.

Сопоставительный анализ трех базовых протокольных сценариев «Вручение верительных грамот» / «Letter of credence», «Визит вежливости» / «Courtesy call», «Завершение дипломатической миссии» / «Diplomatic mission completed» позволил выявить как универсальные, так и национально-специфические компоненты их вербального наполнения. Универсальное ядро дипломатических сценариев определяется институциональными нормами международного протокола и включает обязательные слоты: аккредитация, выражение намерений, заверение в уважении, поддержание диалога.

Национально-культурная специфика проявляется в выборе лексико-семантических средств для заполнения этих слотов. В русскоязычном дипломатическом дискурсе доминируют концепты, связанные с государственным суверенитетом, равенством, миром и коллективной безопасностью: *«Мы искренне рады, что Казахстан столь энергично и результативно способствует укреплению взаимодействия между азиатскими государствами, используя свой солидный международный авторитет», «Залог этого в приверженности всех нас поиску коллективных подходов к тем проблемам, которые стоят перед регионом, миром», «У меня нет никаких сомнений, что сегодняшние встречи станут важной вехой на пути строительства общего «азиатского дома»*

[https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1620449/].

В англоязычном дипломатическом дискурсе преобладают концепты коммерческого партнерства, растущих связей и конкретных сфер сотрудничества (торговля, инвестиции, образование), что отражает прагматическую, торгово-ориентированную модель внешней политики, например: «*We will continue to feel deep affection for this wonderful country. I hope for a better future, when there will be a stable peace and relations between the UK and Russia can be restored*» [<https://news-pravda.com/uk/2023/10/31/163380.html>] (пер. «Мы будем продолжать испытывать глубокую привязанность к этой замечательной стране. Я надеюсь на лучшее будущее, когда установится стабильный мир и отношения между Великобританией и Россией смогут быть восстановлены»).

Осведомленность о структуре культурных сценариев и их национальных вариантах выступает критическим фактором успешности межкультурной дипломатической коммуникации.

Лексико-грамматические особенности русскоязычного и англоязычного дипломатического дискурсов отражают различия в категоризации опыта в двух лингвокультурах. Для русскоязычного дипломатического дискурса характерна феноменологическая модель, реализуемая через безличные и дативные конструкции, что имплицитно представляет позицию субъекта как подверженную внешним обстоятельствам. В англоязычном дипломатическом дискурсе реализуется агентивная модель через доминирование номинативных конструкций, например, *we will, the UK can*, проецирующая образ контролирующего агента.

Стратегии выражения эмоционально-оценочного отношения также носят контрастный характер. Русскоязычный дипломатический дискурс проявляется в использовании процессуальных глаголов, например, *тревожит, волнует*, и склонности к категоричным, в том числе гиперболизированным, оценкам. Британская лингвокультура, с ее установкой на сдержанность и стратегию преуменьшения, детерминирует предпочтение статических форм прилагательных и причастий для вербализации эмоциональных состояний даже в контексте негативной оценки: «*We are both proud and delighted*» [<https://www.gov.uk/government/news/uk-aid-supports-vulnerable-people-in-chad-using-millions-of-pounds-recovered-during-corruption-case>], «*We are concerned about allegations of weapons stockpiling*» [<https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-on-increasing-violence-in-myanmar-november-2021>], «*We are alarmed about restrictions on media freedom*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/un-human-rights-council-49-uk-statement-for-the-interactive-dialogue-with-the-fact-finding-mission-on-libya>] (пер. «Мы горды и восхищены», «Мы обеспокоены утверждениями о накоплении запасов оружия», «Мы встревожены ограничениями свободы СМИ»).

В ситуациях острого политического противостояния в дипломатических дискурсах в обеих лингвокультурах фиксируется смещение коммуникативной нормы. Российские дипломаты могут использовать эмоционально-заряженные

оценочные суждения: «набившие оскомину измышления... об убогости политического мышления», «абсолютное безобразие». Например: «*Все эти набившие оскомину измышления красноречиво говорят об убогости политического мышления младших партнеров США с Туманного Альбиона*» [<https://www.mid.ru/ru/maps/eg/1445803/>], «*Это абсолютное безобразие устраивать конференции по свободе слова, не давая слова другим участникам, которые имеют на это право*» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4461719].

В англоязычном дипломатическом дискурсе аналогичное смещение выражается в отказе от смягчающих формулировок в пользу прямой номинации: «*Recalling the **horrific** violence perpetrated against Rohingya in Rakhine State in 2017, we call on Myanmar Security Forces to immediately end the violence being perpetrated across the country*» [<https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-on-increasing-violence-in-myanmar-november-2021>] (пер. «*Напоминая об ужасающем насилии, совершенном против рохинджа в штате Ракхайн в 2017 году, мы призываем силы безопасности Мьянмы немедленно положить конец насилию, совершаемому по всей стране*»).

Проведенный анализ подтверждает, что языковая личность британского дипломата реализует коммуникативную стратегию, основанную на принципах сдержанности и «неимпозитивности», которые, согласно Э. Кинг, являются маркерами «Un-British» поведения в случае их нарушения [Филиппова 2007: 81].

Использование образно-символических средств, например, фразеологизмов, паремий и метафор, демонстрирует асимметрию, обусловленную прагматическими установками двух дипломатических дискурсов в двух лингвокультурах.

Пословицы выполняют в дискурсе российских дипломатов важную аргументативную функцию, выступая как культурные прецедентные тексты. Они служат для имплицитной критики оппонентов («*насильно мил не будешь*»), самоидентификации («*Иван, не помнящий родства*») или оценки ситуации («*и хочется, и колется*»), облекая политический смысл в форму народной мудрости и тем самым усиливая его убедительность за счет апелляции к коллективному опыту. Например: «*Нельзя вести дела в мире путем ультиматумов и санкций, принуждая другие страны к поведению, которое от них ожидают. У нас есть пословица: «насильно мил не будешь». США, к сожалению, ее не выучили и действуют с противоположных позиций*» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/evropejskij-souz-es/1418059/], «*Как минимум приходит на ум старая русская пословица на счёт больной головы и здоровой. Конечно, натовцы должны более адекватно, объективно и самокритично оценивать ситуацию*» [https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1775328/], «*Мы тоже не хотим ворошить прошлое. У нас есть пословица: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Но есть и другая поговорка: «Иван, не помнящий родства». Мы должны помнить всё, но не должны делать из этого проблемы сегодняшнего*

дня, как пытаются западные оппоненты. Это не наш выбор, но мы будем жестко вести с ними полемику» [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1767412/], «Здесь, наверное, применима логика русской поговорки **«И хочется, и колется»**» [https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1416275/], «На Западе понимают, что «Спутник V», действительно, если не самая лучшая, то совершенно точно в ряду первых. Иначе не было бы такого потока обращений за этой вакциной, а он нарастает в геометрической прогрессии» [<https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1416275/>]. Пословицы используют для выражения субъективной характеристики текущей политической ситуации, критики действий представителей других стран, обоснование своего политического курса.

Фразеология не только обладает большей экспрессией, но и положительной и отрицательной оценочностью, например: «Раз сведения доступны французским журналистам и имеются в распоряжении газеты «Ле Монд», может быть, настало время предъявить их мировому сообществу, которое до сих пор блуждает в потемках ...» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4478713]. Выражение «блуждать в потемках» имеет устойчивую негативную коннотацию, означающую пребывание в неведении, непонимании, хаосе. В данном случае реализуется стратегия этической оценки и позиционирования.

В англоязычном дипломатическом дискурсе образные средства используются значительно реже, что соответствует ориентации на формальную четкость и минимизацию рисков интерпретации.

Вслед за В.И. Карасиком, мы определяем коммуникативную стратегию как «последовательность интенций речевых действий, реализуемую в конкретной последовательности коммуникативных ходов» [Карасик 1999: 9]. Тактики выступают инструментами реализации стратегии [Иссерс 2008: 110]. Проведенный анализ позволил выявить как универсальные, так и национально-специфические черты в реализации стратегий речевого поведения языковой личности дипломата.

Стратегия смягчения (реализуется в обеих лингвокультурах, но имеет различное наполнение. В русскоязычном дипломатическом дискурсе доминирует тактика хеджирования при интерпретации мотивов оппонента:

«Может быть, Канцлер Австрии А. Шалленберг руководствовался лучшими побуждениями, когда призывал не разговаривать только на языке санкций и запускать диалог. Но так диалог не запускают» [https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1785747/]. С.В. Лавров высказывает свою «догадку» по отношению к канцлеру, прибегая к хеджированию, тем самым смягчая уверенную позицию страны по неприятию ведения диалога «на языке санкций». Дипломат минимизирует риски быть услышанным с позиции манипулятора или обвинителя, добавляя в высказывание ноту сомнения.

В англоязычном дискурсе стратегия смягчения реализуется через:

1) модальные глаголы и наречия (*may, might, highly likely, perhaps, probably*), например: «*GCHQ's National Cyber Security Centre (NCSC) assess that it is highly likely the SVR was responsible for gaining unauthorised access to SolarWinds "Orion" software...*» [<https://www.gov.uk/government/news/russia-uk-and-us-expose-global-campaigns-of-malign-activity-by-russian-intelligence-services>] (пер. «Национальный центр кибербезопасности (NCSC) GCHQ оценивает, что весьма вероятно, что SVR несет ответственность за получение несанкционированного доступа к программному обеспечению SolarWinds "Orion"...»).

2) тактику неопределенной референции: «*What we need to see is all countries respecting these commitments. Yet some are taking an à la carte approach*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/uk-national-statement-to-the-2021-osce-ministerial-council>] (пер. «То, что нам нужно увидеть, – это то, что все страны соблюдают эти обязательства. Тем не менее, некоторые придерживаются подхода с обслуживанием по меню»).

3) имплицитное отрицание: «*... we are not doing so bad: we remain healthy at time of pandemic. The restrictions on our liberty are not pleasant, for some they are hurting, but we have managed to balance off getting a grip on the numbers while keeping our borders open and much (not all) of our local economy functioning*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/governors-remarks-at-15-september-national-press-conference>] (пер. «...у нас все не так уж плохо: мы остаемся здоровыми во время пандемии. Ограничения нашей свободы неприятны, для некоторых они болезненны, но нам удалось сбалансировать контроль над цифрами, сохраняя при этом наши границы открытыми и большую часть (не всю) нашей местной экономики функционирующей»). В данном случае используется «*we are not doing so bad*» в место «*we are doing well*».

Конфронтационные стратегии (критика, обвинение) также обнаруживают национальную специфику.

В русскоязычном дипломатическом дискурсе тактики критики реализуются через: лексику с резко отрицательной коннотацией: *позорное судилище, порочная линия, нечистоплотные приемы, фабрикация клеветнических домыслов*; оппозицию «свой – чужие»: «*Россия при этом никогда не привносила в регион конфронтацию, вела свою политику здесь исключительно в конструктивном и доброжелательном ключе, по мере возможности противодействовала линии западников встроить Балканы в политику разделительных линий, привнося в политику ряда его государств антироссийские элементы. Несмотря на то, что Балканы всегда были и остаются сферой столкновения интересов ведущих игроков мировой политики, мы не хотели бы рассматривать регион как последний европейский рубеж противостояния Запада и России*» [https://www.mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-oproverzenia/publikatsii/1441241/].

В англоязычном дипломатическом дискурсе критика чаще маскируется через тактику двусмысленности, позволяющую сохранять формальную корректность: «*But his ambition to divide us has demonstrably failed; on the contrary, he has succeeded in uniting Europe and the whole trans-Atlantic alliance*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/pm-opening-remarks-at-press-conference-with-german-chancellor-olaf-scholz-8-april-2022>] (пер. «*Но его стремление разделить нас явно провалилось; напротив, ему удалось объединить Европу и весь трансатлантический альянс*»).

Информационно-интерпретационная стратегия.

В русскоязычном дипломатическом дискурсе интерпретация событий встраивается в причинно-следственные и морально-оценочные рамки, что придает аргументации нарративный характер: «*Что касается нормализации отношений России и Турции и влияния на решение региональных вопросов. В первую очередь речь идет о ситуации на Ближнем Востоке и Севере Африки... Повторю, что мы этот вопрос ставим и будем ставить в двусторонних контактах, на международных «площадках»*» [https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2348943],

В англоязычном дипломатическом дискурсе акцент делается на процесс, легитимность и институциональные механизмы: «*In this regard, the UK sees the role of the OSCE and the Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR) as vital*» [<https://www.gov.uk/government/speeches/democracy-and-democratic-elections-in-the-osce-region-uk-statement>] (пер. «*В этой связи Великобритания считает жизненно важной роль ОБСЕ и Бюро по демократическим институтам и правам человека (ODIHR)*»).

Выявленные различия носят системный характер и позволяют реконструировать два лингвокультурных типа языковой личности дипломата. Языковая личность российского дипломата реализует содержательно-экспрессивную модель коммуникации, ориентированную на нарративность, этическую оценку и апелляцию к коллективному опыту. Языковая личность британского дипломата реализует формально-регулятивную модель, для которой приоритетны процедурная четкость, правовая определенность и следование институциональным нормам. Данное различие позволяет рассматривать языковую личность дипломата как культурно детерминированный феномен, формируемый на пересечении строгих институциональных норм и национально-культурных моделей речевого поведения.

Заключение содержит итоги работы и перспективы дальнейшего исследования. В работе обоснован и применен многоуровневый подход, рассматривающий языковую личность дипломата на трёх взаимосвязанных уровнях: лингвокогнитивном, репрезентирующем профессиональную концептосферу как систему смысловых доминант; лингвокультурном, определяющем набор культурных сценариев и дискурсивных моделей, регулирующих коммуникацию; лингвопрагматическом, проявляющемся в

конкретных речевых стратегиях и тактиках, а также в выборе вербально-семантических средств.

Данная модель позволила продемонстрировать, что языковая личность дипломата представляет собой сложное структурное образование, формируемое на пересечении строгих институциональных норм и национально-культурных моделей речевого поведения, транслирующее в публичном пространстве не только позицию государства, но и ценностные константы своей лингвокультуры.

Перспективы исследования видятся в следующих направлениях:

– дальнейшее исследования языковой личности дипломата в рамках сравнительного анализа других лингвокультур для построения многомерной типологии и выявления универсальных и культурно-специфических черт институциональной языковой личности;

– изучение эволюции языковой личности дипломата в исторической перспективе для определения влияния глобальных политических и коммуникационных трансформаций на её структуру;

– исследование вариативности речевого поведения языковой личности дипломата в зависимости от конкретного жанра и коммуникативного контекста;

– исследование невербальной составляющей коммуникативного поведения дипломата в разных лингвокультурах.

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях (по перечню ВАК при Минобрнауки РФ):

1. Иванова, Ю. И. Языковая личность британского и русского дипломата в лингвокультурном аспекте на примере лингвоконцептов: «Россия/The UK» и «Люди/People» / Ю. И. Иванова, Т. В. Евсюкова // Современный ученый. – 2025. – № 10. – С. 191-198.

2. Иванова, Ю. И. Особенности речевого поведения современного дипломата (дипломатический протокол, дипломатический этикет, дипломатические сценарии) / Ю. И. Иванова // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 6. – С. 312-315.

3. Иванова, Ю. И. Речевые тактики и стратегии в российской дипломатической коммуникации / Ю. И. Иванова // Вестник филологических наук. – 2024. – Т. 4, № 2. – С. 144-148.

4. Иванова, Ю. И. Прием хеджирования в дипломатическом английском языке / Ю. И. Иванова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 11. – С. 139-141.

5. Прадед (Иванова), Ю. И. Лексико-стилистические и синтаксические особенности языка дипломатии / Ю. И. Прадед (Иванова) // Успехи гуманитарных наук. – 2021. – № 6. – С. 100-102.

Публикации в других изданиях:

6. Иванова, Ю. И. Лингвоконцептуальное пространство языковой личности британского и русского дипломата. Лингвоконцепт «друг» / Ю. И. Иванова // *Фундаментальные и прикладные исследования в науке и образовании: Сборник статей международной научной конференции*, Санкт-Петербург, 06 июня 2025 года. – Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт НАЦРАЗВИТИЕ, 2025. – С. 121-128.
7. Иванова, Ю. И. Лингвокогнитивный подход к изучению языковой личности / Ю. И. Иванова // *Research and development – 2024 : Сборник статей II Международной научно-практической конференции*, Петрозаводск, 19 декабря 2024 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2024. – С. 129-136.
8. Иванова, Ю. И. Фреймы и сценарии в дипломатической коммуникации / Ю. И. Иванова // *Всероссийский форум молодых исследователей - 2024 : сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции*, Петрозаводск, 30 сентября 2024 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2024. – С. 100-109.
9. Иванова, Ю. И. Концептосфера дипломатического общения / Ю. И. Иванова // *Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сборник статей по материалам СIII международной научно-практической конференции*, Новосибирск, 29 июля 2024 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Сибирская академическая книга», 2024. – С. 101-104.
10. Иванова, Ю. И. Языковые проявления категоричности в русскоязычном дипломатическом дискурсе / Ю. И. Иванова // *Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки : сборник статей по материалам LXXXII международной научно-практической конференции*, Новосибирск, 08 мая 2024 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Сибирская академическая книга», 2024. – С. 21-26.
11. Прадед (Иванова), Ю. И. Особенности лексики дипломатического языка / Ю. И. Прадед (Иванова) // *Язык и коммуникация в контексте культуры: Материалы международной научно-практической онлайн-конференции*, Ростов-на-Дону, 21 апреля 2021 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2021. – С. 34-36.